

Юрий Фельштинский
Михаил Станчев

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ: Битва за Украину

КИЇВ 2015
www.nashformat.ua

[Почитати опис, рецензію і купити на сайті **nashformat.ua**](#)

УДК 327.5(477:(47+57))»1991/...»
ББК 66.4(4Укр)+66.4(2Рос)
Ф40

Фельштинский Юрий, Станчев Михаил

Ф40 ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ: Битва за Украину / Юрий Фельштинский, Михаил Станчев. — К. : Наш Формат, 2015. — 456 с.

ISBN 978-966-97425-9-9

Книга известных историков Юрия Фельштинского (США) и Михаила Станчева (Украина) посвящена разгорающемуся российско-украинскому конфликту, являющемуся, по мнению авторов, прелюдией к большой — Третьей мировой — войне, провоцируемой Россией. Проведя читателей через всю историю Украины, от древности до наших дней, авторы сосредотачиваются прежде всего на периоде украинской независимости, которую эта страна обрела с распадом Советского Союза. Особое внимание в книге уделено периодам правления независимых президентов Украины — Леониду Кравчуку, Леониду Кучме, Виктору Ющенко и Виктору Януковичу; виднейшим оппозиционным деятелям, таким, как Юлия Тимошенко; громким убийствам и покушениям на убийства, оставившим глубокий след в политической истории Украины, как убийство журналиста Георгия Гонгадзе и покушение на жизнь (отравление) Ющенко; проблемам европейской интеграции Украины; противостоянию, которое оказывала и оказывает Россия намерениям Украины войти в Европейский союз и стать членом НАТО; экономическому и прежде всего «газовому» шантажу, которому подвергает Россия Украину и опосредованно — всю Европу; попыткам России создать плацдарм для последующего продвижения из Украины в России в восточно-европейские государства: Беларусь, Молдавию и Прибалтику, видоизменяя политический ландшафт, образовавшийся в Европе после 1991 года, и используя для этого приемы и тактику гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза времен 1938-1940 годов. Война России против Украины, являющаяся, по мнению авторов, первым этапом плана президента Путина по воссозданию новой российской империи, не может не привести Европу и НАТО к новой мировой войне, а Россию, в конечном итоге, к тотальному поражению. Перерастет ли битва за Украину в мировую войну или же станет для России новым Афганистаном, приведшим к краху режима Путина, — покажет будущее.

УДК 327.5(477:(47+57))»1991/...»
ББК 66.4(4Укр)+66.4(2Рос)

ISBN 978-966-97425-9-9

© Фельштинский Ю., Станчев М., 2014
© ТОВ «НФ», виключна ліцензія на видання,
оригінал-макет, 2015

[Почитати опис, рецензію і купити на сайті nashformat.ua](#)

Глава 15

Хотят ли русские войны?

Обобщения всегда рискованны. Тем не менее без обобщений в этой книге не обойтись. Хотят ли русские войны? С оговоркой, что не все русские хотят войны, и что многие русские не хотят войны, можно заключить, что к 2014 году в России сложилась ситуация, когда большинство русских согласилось поддержать свое правительство, вставшее на дорогу большой войны. Русские (в большинстве своем) неожиданно для Европы, да и для самих себя, захотели, чтобы их боялись — как всегда боялись советских солдат в Европе.

Неусвоенные Путиным уроки Первой и Второй мировых войн

Когда закончилась Первая мировая война и обсуждались условия мирного договора, американский президент Вильсон предложил для Германии достаточно мягкие условия капитуляции. Но Франция и в несколько меньшей степени Англия категорически настаивали (и настаивали) на очень жестких условиях, гарантирующих, как тогда всем казалось, что Германия никогда не сможет воспрянуть экономически и стать источником новой войны в Европе. Так появился Версальский мирный договор в том виде, в котором мы его знаем. Пройдут годы. Тома будут написаны о том, что Вторая мировая война началась именно из-за унижительного для Германии Версальского договора и безудержного аппетита Франции, ставившей своей задачей любой ценой предотвратить возрождение Германии. Думается, что авторы этих книг во многом были правы.

Так что первая предпосылка для прихода к власти в Германии Гитлера — унижительный для Германии Версальский договор, создавший почву для роста национализма и прихода к власти национал-социалистов. Вторая предпосылка — абсолютная уверенность

правой, консервативной части населения и армии в том, что Германия проиграла войну из-за «удара в спину» — такой тогда появился в Германии термин, причем удар этот был нанесен в спину германской армии революционерами, коммунистами. Сторонники этой версии в чем-то были правы. Революционные восстания в Германии осенью 1918 г., приведшие к немецкой «ноябрьской революции», конечно же, ослабили позиции германской армии и правительства, и без того не слишком сильные к концу 1918 г.

Здесь следует добавить, что германские социал-демократы извлекли некоторые уроки из истории русской революции 1917 г. Там, где в России социал-демократы — меньшевики и эсеры — объединились с большевиками для борьбы не столько с реальной, сколько с ими же придуманной «контрреволюцией», и в результате отдали власть большевикам, там в Германии социал-демократы объединились с армией, т.е. с контрреволюцией, и подавили спартаковцев-коммунистов. В результате к власти в Германии на волне разгромленной революции 1918 г. пришли немецкие социал-демократы.

На долю демократического правительства Веймарской республики 1919—1932 гг. пришлось (из-за проигранной войны и ее последствий и из-за невыполнимых финансово-экономических условий Версальского мира) тяжелый период. В результате — при наличии абсолютной свободы прессы в Германии в 1920-е годы — демократия оказалась скомпрометированной самими же социал-демократами, которых население, имевшее полную свободу слова, сделало ответственными за все экономические неурядицы.

Но самой главной предпосылкой прихода нацистов к власти стала третья причина — национальный вопрос. Применительно к Германии его можно разбить на два течения: первое — возрождение германской нации, объединение всех немцев в границах одной империи, и второе — борьба с мировым еврейством, прежде всего с евреями Германии. Когда, разжигая антисемитизм, нацисты указывали на «засилье» евреев в Германии и в Австрии, аргументы они легко находили. Интеллектуальная элита Германии и Австрии (врачи, юристы, финансисты, бизнесмены, творческая интеллигенция) в очень большой степени состояла из евреев.

Были и предпосылки второго порядка, способствовавшие приходу нацистов к власти. По линии Коминтерна Сталин провозгласил главным идеологическим врагом международного коммунистического движения германских социал-демократов. Вдумаемся:

германские социал-демократы в Веймарской республике еле-еле стоят на ногах под давлением финансово-экономических условий Версальского договора. Советскому Союзу вроде бы естественно поддерживать это слабое демократическое правительство с учетом новой надвигающейся опасности — крайнего национализма в Германии. Опасности, кстати, не теоретической, а вполне реальной. В Италии у власти уже фашисты. Так что основания считать, что фашизм — реальная угроза — есть. Согласно коммунистическим догмам Маркса и Ленина национализм является главным врагом международного коммунизма. Тем не менее Сталин заставляет германских коммунистов вместе с нацистами выступать в совместных акциях против социал-демократического германского правительства. Если бы коммунисты поддерживали социал-демократов, они имели бы большинство в Рейхстаге (немецком парламенте), и Гитлер никогда не смог бы прийти к власти, потому что к власти он пришел не в результате революции или переворота, а легальным путем. Но Сталин дал немецким коммунистам прямо противоположные указания: они должны были всеми силами поддерживать нацистов и вместе с ними выступать против социал-демократического правительства Германии.

Стратегия Сталина в отношении революции в Германии отличалась и от прямолинейного подхода Маркса и Троцкого, рассчитывавших на восстание германского рабочего класса; и от антифранцузских планов Ленина, стремившегося толкнуть немцев на создание «фронта на Рейне». Сталин хотел уничтожить все центристские политические группы и оставить противостоящими друг другу нацизм и большевизм. Он справедливо считал, что основной силой мировой революции является СССР, и остальные иностранные компартии выполняют вспомогательные функции. В рамках такой программы в 1929—1939 гг. все силы советской коминтерновской и внешней политики в отношении Германии были направлены на подрыв Веймарской республики, на прямую поддержку нацистских забастовок, на провоцирование вооруженных столкновений с демократией. По мысли Сталина, Гитлер в Германии, да и во всей Европе, должен был сыграть роль «ледокола революции», расчищающего дорогу коммунистам. Поэтому, начиная с 1933 г. задачей Сталина было заключение союза с немецкими милитаристами и Гитлером, а тактика «единого фронта» в Европе в 1934—1939 гг. для Сталина была лишь прикрытием политики подготовки соглашения с нацистами.

Если бы Сталин планировал заключить союз с Англией и Францией против Германии, он вел бы открытые переговоры с Германией и тайные — с Францией и Англией. Но Сталин рассчитывал заключить соглашение именно с Гитлером. Поэтому он вел открытые переговоры с Англией и Францией и тайные — с нацистским правительством. На этом фоне Европу потряс удар, который позже историки будут сравнивать только с началом Второй мировой войны: «мюнхенский сговор».

«Мюнхенское соглашение» было подписано Францией и Англией для того, чтобы предотвратить войну. Это была последняя отчаянная попытка пацифистски настроенных Франции и Англии, принеся в жертву часть Чехословакии, умиротворить Гитлера и сохранить любой ценой мир в Европе. К 1938 г. ситуация в Европе для западных демократий сложилась катастрофическая. В Италии у власти был Муссолини. В Германии — Гитлер. В Испании — Франко. Австрии уже не было: в результате «аншлюса» она стала частью германской империи. В Португалии и Венгрии у власти были диктаторы.

Формально говоря, существовал договор между Францией, Чехословакией и СССР. В случае нападения Германии на Чехословакию чехословацкое правительство должно было официально обратиться к Франции и СССР с просьбой об оказании военной помощи. И во всех советских книгах подробно описано, как именно Советский Союз готов был эту помощь оказать, сколько дивизий СССР имел, сколько самолетов и танков стояло наготове... Но в сентябре 1938 г. из-за Чехословакии никто не хотел и не готов был воевать: ни Франция, ни Англия, ни Советский Союз, ни даже сама Чехословакия. Президент Чехословакии Эдуард Бенеш в критический момент действительно послал Сталину телеграмму, формально прося Советский Союз оказать помощь, предусмотренную договором. Но ответа на эту телеграмму Бенеш вовремя не получил. Советское правительство тянуло с ответом. Вскоре Бенеш прислал новую телеграмму, извещающую Сталина, что Чехословакия приняла условия капитуляции и от военной помощи Красной армии отказывается.

Понятно, что советское правительство в тот период воевать с Гитлером из-за Чехословакии не планировало. Переговоры о советской военной помощи Чехословакии велись Сталиным исключительно для того, чтобы получить разрешение Польши на проход к чехословацкой границе. Оккупация Польши вообще была комплексом Сталина. Антипольский комплекс Сталина можно было сравнить

только с антисемитским комплексом Гитлера. Поляки это хорошо понимали и согласия на проход советских войск через Польшу не давали, так как полякам было очевидно, что Красная армия, однажды войдя в Польшу, из нее уже никогда не уйдет. На это указывали уроки российско-польских отношений.

На поляков давили Франция, Англия, Чехословакия и Советский Союз, но поляки впустить советские войска не согласились. (То же самое, только уже без Чехословакии, повторится в 1939 г. при переговорах советского правительства с Францией и Англией о пакте о взаимопомощи на случай агрессии Германии. Советский Союз снова готов будет подписать договор с Францией и Англией, но при условии согласия Польши на проход советских войск через ее территорию.)

Советский Союз действительно не граничил с Германией, Францией и Чехословакией. Но почему, собственно, Франция и Англия, настаивавшие на соблюдении условий Версальского договора все 1920-е годы, не готовы были объявить войну Гитлеру в 1938 г. в связи с требованием нацистов отдать Германии Судетскую часть Чехословакии, населенную в существенной части этническими немцами? Почему нужно было соглашаться на «раздел» Чехословакии? Прежде всего потому, что Англия и Франция не были готовы предстать перед своими избирателями, как мы бы сегодня сказали, агрессорами. Из-за судетских немцев, т.е. этнических немцев, живших в Чехословакии и желавших присоединения к Германии, начинать Вторую мировую войну в 1938 г. Европа была не готова. Впрочем, и в марте 1939 г. из-за оккупации Гитлером оставшейся части Чехословакии Европа тоже не была готова начать войну. Что воевать, если сама Чехословакия сдастся без сопротивления!

Тут самое время вернуться к внешнеполитическим планам Сталина и к «ледоколу революции» Гитлеру. В марте 1939 г. Гитлер не рисковал большой войной. Он знал, что из-за огрызков Чехословакии большую войну начинать никто не будет. Он вообще не верил уже в большую войну. С оккупацией Чехословакии в марте 1939 г. он решил все внешнеполитические задачи, стоявшие перед рейхом. Кроме одной: уничтожение европейского и мирового еврейства. Этнические немцы были объединены в границах империи. Экономика Германии была на подъеме. Все ограничительные статьи Версальского договора были аннулированы временем (Гитлер просто перестал их выполнять). Собственность немецких евреев была

экспроприирована. Сами они лишены были всех прав, изгнаны из рейха, либо арестованы и отправлены в лагеря. Именно в этот момент, когда малой кровью Гитлер добился для Германии всего, чего хотел, Сталин пригласил Гитлера к столу переговоров. Это приглашение было открытым и демонстративным. 3 мая 1939 г. председатель Совнаркома В.М. Молотов, русский по национальности, сменил на посту наркома иностранных дел еврея М.М. Литвинова, с которым Гитлер никогда не сел бы за стол переговоров в силу физиологического антисемитизма.

Замена еврея Литвинова на русского Молотова была сигналом Сталина о готовности начать серьезные переговоры с германским правительством. Этот сигнал был услышан, приглашение было принято. Гитлер, конечно, знал о польском комплексе Сталина и бесконечных требованиях советского правительства к полякам разрешить Красной армии проход через польскую территорию. Гитлер понимал, что Сталин хочет получить Польшу. Поэтому напасть на Польшу без предварительного соглашения со Сталиным о разделе польской территории Гитлер не мог.

Смысл августовских соглашений 1939 г. между Гитлером и Сталиным, если иметь в виду Польшу, заключался в том, что советские и германские войска одновременно атакуют польские границы и сотрут польское государство с лица земли, причем Германия в очередной раз избежит большой войны, так как при соучастии СССР в разделе Польши Франция и Англия не рискнут выполнить условия договора о взаимопомощи, не придут Польше на помощь, а пойдут по чехословацкому сценарию.

В августе 1939 г., в тот момент, когда после оккупации Чехословакии в марте 1939 г. Европе показалось, что большая война с Гитлером может и не начаться, Сталин развязал Вторую мировую войну. Дело в том, что Сталин очень хорошо знал, зачем он подписывает с Гитлером советско-германский пакт о ненападении вместе с секретным протоколом, оговаривающим, какие страны входят в сферу влияния СССР.

К августу 1939 г. у советского правительства был выбор. Сталин мог подписать соглашение с Францией и Англией о взаимопомощи. Согласно такому соглашению в случае нападения Германии на Францию — а это единственная великая держава, на которую могла напасть Германия, так как с Англией и СССР она не имела границ, СССР и Англия должны были бы прийти на помощь Франции. При

отсутствии разрешения Польши на проход Красной армии через польскую территорию Советский Союз реально не мог ничем помочь Франции и Англии. Правда, Советский Союз мог соблюдать благожелательный нейтралитет. Но это все, что он мог сделать. Подписание такого договора между СССР, Францией и Англией привело бы к тому, что Гитлер не стал бы нападать ни на Францию, ни на Польшу. Потому что при существовании договора между Францией и Советским Союзом Сталин должен был бы объявить Германии войну. На такой риск в августе-сентябре 1939 г. Гитлер пойти не мог.

Разумеется, Сталин рисковал тем, что Советский Союз уже в сентябре 1939 г. мог быть втянут в нежелательную тогда войну с гитлеровской Германией. Поэтому у Сталина был другой вариант внешнеполитической игры. Абсолютно спокойный вариант. Он мог не подписывать договора с Францией и Англией и не подписывать соглашений с Гитлером. В этом случае сценарий сентября 1939 г. выглядел бы для Гитлера несколько лучше. В первом случае Советский Союз оказывался в состоянии войны с Германией в случае нападения Гитлера на Польшу и Францию. Во втором — Советский Союз оставался нейтральным. Тогда Гитлер должен был бы оккупировать всю Польшу и выйти к советским границам августа 1939 г., что создало бы для Гитлера риск нового витка военных столкновений, теперь уже с Красной армией, и начала войны на два фронта. Трудно предполагать, что сталинский Советский Союз и гитлеровская Германия — два агрессивных государства, возглавляемые иррациональными параноиками, — смогут долго прожить в мире. Чтобы не иметь общей границы с СССР, Гитлер мог оккупировать только западную Польшу, сделав из восточной Польши буферную зону. Насколько долго могло просуществовать такое «буферное» состояние, не ясно. Но по крайней мере и в случае появления общей границы с Германией, и в случае создания буферной Восточной Польши Советский Союз какое-то время мог не участвовать в большой европейской войне и наблюдать со стороны, как Гитлер расправляется с остальной Европой.

Конечно, главный риск для Сталина заключался в том, что Гитлер мог не начать большую войну в Европе. Вообще не начать. Он мог в сентябре 1939 г. ограничиться в отношении Польши решением одной «данцигской проблемы». Суть «данцигской проблемы» заключалась в том, что в районе Данцига проживали этнические немцы. Гитлер ставил вопрос об их воссоединении с Германией. Для

этого требовалось не только передать Германии Данциг, но и создать «коридор» — его называли «данцигский коридор» — для связи Данцига и остальной Германии. Понятно, что для передачи этих польских территорий Германии требовалось согласие Польши. Но у Гитлера уже был удачный для него мюнхенский опыт, и с Данцигом он планировал разыграть тот же сценарий, что и с Судетской частью Чехословакии, населенной этническими немцами: сначала, шантажируя Францию, Англию и Польшу угрозой большой войны, получить Данциг и коридор; а затем, обвиня поляков в несоблюдении каких-то условий соглашения, войти в Польшу под предлогом защиты интересов этнических немцев в Польше и оккупировать западную Польшу. В конечном итоге сентябрь 1939 г. для Польши все равно наступил бы, но произошло бы это не в сентябре 1939 г., а позже, например, в 1940—41 гг. Западную Польшу Гитлер рассчитывал оккупировать без большой войны. В конце концов, позволили же ему Англия, Франция и Советский Союз оккупировать в 1938—39 гг. Чехословакию. Чем Польша лучше?

Так зачем все-таки при таком развитии событий Гитлеру нужен был договор о ненападении со Сталиным? Гитлер опасался, что Сталин, несмотря на отсутствие договора о взаимопомощи с Францией, вступит в войну, пересечет границу Польши (с согласия или без согласия поляков) и откроет Восточный фронт против германской армии. Такой сценарий для Гитлера был крайне невыгоден и опасен. Соответственно, Гитлер не мог идти на столь огромный риск в сентябре 1939 г. Не подписав со Сталиным договора о ненападении, Гитлер не мог начать войну против Польши. Гитлер мог начать войну только в одном случае — если Сталин, со своей стороны, давал обязательства не поддерживать Францию и Англию и не открывать против Германии второй Восточный фронт. Для этого немцам было абсолютно необходимо подписать с Советским Союзом договор о ненападении до начала наступательных операций против Польши.

Понятно, что платой за такой выгодный и необходимый Гитлеру договор было согласие Германии на оккупацию Советским Союзом ряда восточно-европейских стран. 20 августа 1939 г. торопившийся с решением польского вопроса Гитлер написал письмо Сталину, в котором открыто сообщил, что планирует нападение на Польшу и поэтому заинтересован в скорейшем подписании договора о ненападении. Гитлер просил у Сталина разрешения срочно прислать для переговоров в Москву Риббентропа для подписания пакта о ненапа-

дении и секретного протокола о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Сталин ответил согласием.

Следует подчеркнуть, что при всех минусах Мюнхенского соглашения 1938 г., при справедливости всех эпитетов, которыми мы это соглашение награждаем как трусливое, предательское и прочее, Мюнхенское соглашение подписывалось Англией и Францией для того, чтобы сохранить мир, в то время как советско-германский договор подписывался Гитлером и Сталиным для того, чтобы начать войну. Именно поэтому торопился Гитлер. Именно для того, чтобы помочь Гитлеру поскорее начать войну в Европе, Сталин согласился срочно принять Риббентропа в Москве.

23 августа в Москву прилетел Риббентроп. В тот же день были подписаны советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол. Упрощенно говоря, по протоколу Россия получала Прибалтику, Восточную Польшу, Финляндию и Бессарабию. Обратим внимание на то, что Гитлер не просил Сталина дать согласие, например, на оккупацию Франции, Бельгии, Голландии и других европейских государств. Гитлеру нужно было лишь согласие Сталина на войну с Польшей. Гитлер и в этот период все еще надеялся избежать большой войны. Эта тема обсуждалась Гитлером во время встречи с Муссолини 15—16 апреля 1939 г., т.е. вскоре после оккупации Чехословакии. Тогда руководители двух государств согласовали сроки начала большой войны: не ранее 1943 года. Пока что на календаре был август 1939 г.

31 августа Молотов выступил с длинной внешнеполитической речью перед Верховным Советом СССР. 1 сентября, в день, когда Германия напала на Польшу, речь была опубликована в «Правде». Смысл речи был в том, что вчера еще фашистская Германия была врагом. Сегодня она стала другом.

Итак, Сталин мог остановить Вторую мировую войну. Все, что он должен был для этого сделать, это подписать с Францией и Англией пакт о взаимопомощи и отказаться от собственных планов по захвату Польши или Восточной Польши. Все. Больше ничего Сталин не должен был делать для того, чтобы предотвратить агрессию Гитлера и большую войну в Европе. Но у Сталина были прямо противоположные задачи — развязать Вторую мировую войну, заставить Гитлера влезть в большую войну и на этой троянской лошади въехать в Европу, и Восточную, и Западную, и захватить ее. Глупый Гитлер попал в западню, устроенную Сталиным. 1 сентября Гитлер атаковал

Польшу. 3 сентября, днем, сначала Англия, затем Франция объявили Германии войну. Вечером 3 сентября германское правительство послало первую спешную сверхсекретную телеграмму в Москву с просьбой как можно скорее начать военные действия против Польши. Почему?

Во-первых, немцы несли потери. Конечно, эти потери, как потом выяснилось, были несоизмеримо малы по сравнению с потерями польской армии, но все-таки, впервые за всю историю гитлеровской агрессии в Европе немцы несли потери, исчисляемые тысячами. Во-вторых, немцам важно было предотвратить ситуацию, когда польская армия отступает на восток в советскую сферу влияния, куда по договору о ненападении с СССР не могут входить немцы. В-третьих, Гитлер хотел продемонстрировать и Польше, и Англии с Францией, что Сталин в этой войне является союзником Германии, а не союзником демократической Европы.

Но вот что еще очень важно. Если бы Сталин напал на Польшу 1-го или 2 сентября, кто знает, Англия и Франция, может быть, не объявили бы войну Германии, а пошли бы по чехословацкой схеме. Но это тоже означало бы, что большая война в Европе не началась бы. А Германия и СССР вышли бы на общую границу в оккупированной ими Польше. Понятно, что в этом случае следующей большой войной стала бы советско-германская, а не Вторая мировая. Поэтому Сталин сделал то, что он сделал. Он выждал, пока Германия нападет на Польшу. Это во-первых. Он выждал, пока Франция и Англия объявят Германии войну. Это во-вторых. Он выждал, пока германское правительство дважды обратится к нему с настоящей просьбой атаковать Польшу. И только после этого любезно согласился начать военные действия.

3 сентября 1939 г. мир еще не понимал, что такое Вторая мировая война и как она развернется. Первую мировую войну все хорошо помнили. Она закончилась всего 20 лет назад, и были живы практически все участники этой войны (ну, кто не погиб, разумеется). Тем, кому было 30 лет в 1918-м, в 1939-м был 51 год.

В Первую мировую войну Великобритания потеряла около миллиона человек убитыми; Франция — 1,7 миллиона. Потери французов были катастрофическими. Второй раз побеждать такой ценой Франция была не в состоянии. История Второй мировой войны показала, что Франция готова была капитулировать, но не воевать. В 1939 г. перед Францией стояла только одна задача: не потерять

людей в новой войне. Эта задача отчасти была выполнена успешно. Французы во второй войне потеряли меньше, чем в первой: примерно 568 тысяч человек или 1,35% населения (против 4,3% в первой войне).

Положение Англии было лучше. Англия была островом, недосыгаемым для Германии. Франция знала, что не может и не будет воевать одна, потому и ждала с объявлением войны до того часа, когда войну Германии первой объявит Англия. Англия объявила войну Германии в первой половине дня 3 сентября. Франция — во второй. Но и Англия, объявив войну, реально не собиралась воевать. У нее тоже не было задачи победить любой ценой. Кстати, и Великобритания эту задачу успешно для себя решила. Она тоже потеряла во второй войне в два раза меньше, чем в первой: примерно 450 тысяч человек.

К вечеру 3 сентября 1939 г. перед Сталиным открылись потрясающие возможности. Он мог, как в августе, просто ничего не делать и отказаться от вторжения в Восточную Польшу. В этом случае он оставлял Гитлера один на один с поляками, французами и англичанами. Конечно, с учетом того, что мы сейчас знаем о людоеде Гитлере и его живодерских планах в отношении всего человечества, это было бы со стороны Сталина неблагородно, но, с точки зрения интересов советского государства и даже внешнеполитических планов лично Сталина, такое решение было бы выгодно. Гитлеру пришлось бы, неся многотысячные потери, воевать со всей Польшей. Военная кампания против Польши заняла бы какое-то время. Франция не смогла бы долго смотреть на истребление поляков, не начав военных действий против Германии. После этого Англия тоже вынуждена была бы вмешаться, как могла. Правда, в тот момент Англия не на многое была способна, так как сухопутной армии для вторжения у нее не было, а авиация была в зачаточном состоянии. Но на море британский флот господствовал. Это было немало.

Если не идеализировать Сталина, а считать его достойным Гитлера злодеем, то и при таком подходе невмешательство Сталина приводило к выгодным для СССР результатам. Сталин втягивал Европу во Вторую мировую войну, т.е. реализовывал свой коварный план о «ледоколе революции». Он получал все, кроме Восточной Польши, так как рисковал, что Восточная Польша будет из-за военной необходимости занята немцами. Однажды захватив территорию Восточной Польши, немцы могли ее уже не покинуть, и

новая советско-германская граница проходила бы по старой советско-польской границе 1939 г. Платой за возможную — только возможную, а не очевидную — отдачу Восточной Польши Германии было неучастие Советского Союза в польской кампании Гитлера и действительный нейтралитет СССР в начинающейся войне в Европе.

Были и другие варианты. Сталин мог заявить, что объявление Францией и Англией войны Германии меняет международную ситуацию, при которой подписывался пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом, и советское правительство аннулирует это соглашение вместе с его секретным протоколом. Разумеется, этот шаг Гитлер обязан был рассматривать как враждебный в отношении Германии со всеми последствиями. Такое заявление означало бы, что Советский Союз уже в 1939 г. вступает в мировую войну на стороне Польши, Англии и Франции. Но это же заявление могло заставить Гитлера отказаться от планов оккупации всей или Западной Польши и искать возможности для скорейшего урегулирования через посредничество, например, Италии, начавшегося конфликта. Иными словами, Сталин мог предотвратить Вторую мировую войну даже после 3 сентября 1939 г.

Но Сталин не планировал останавливать германское вторжение в Польшу и начавшийся пожар Второй мировой войны. 5 сентября 1939 г. в ответ на запрос Риббентропа Сталин подтвердил, что оставляет за собой права на Восточную Польшу, но пока что нападать не будет, даже если немцам и придется в ходе военной кампании и в связи с военной необходимостью то тут, то там вторгнуться в советскую зону влияния.

Почему Сталин принял именно такое решение? Во-первых, потому что в случае советского вторжения в Польшу и быстрой советско-германской оккупации этой страны Вторая мировая войне могла затухнуть, не разгоревшись, и ограничиться исчезновением Польши с карты мира. Собственно, именно на это рассчитывал Гитлер. Во-вторых, Сталин принял решение не нападать пока на Польшу, чтобы поляки дольше и лучше сопротивлялись немцам и, соответственно, несли как можно большие потери. Чем дольше поляки воюют с немцами, тем слабее они будут сопротивляться советской агрессии. В-третьих, если бы Польша была поглощена СССР и Германией уже в первые дни сентября, стоило бы ради нее начинать большую войну? Наконец, Сталин не торопился вступать в войну, чтобы и немцы

несли как можно большие потери в Европе и втянулись в мировую войну в рамках генеральной линии Сталина на превращение Германии в «ледокол революции».

Сталин планировал начать выдвижение в Восточную Польшу только после того, как немецкие войска захватят Варшаву. Тогда Советское правительство заявит, что Польша — это «уродливое детище Версальского договора» — как назовет Польшу в своей речи Молотов — распалась, и Красная армия вступает в Польшу для защиты живущих там украинцев и белорусов. 14 сентября Молотов потребовал захвата немцами Варшавы как предварительного условия для начала военных действий Красной армии против Польши. Но был один деликатный момент — угроза того, что Германия, захватив Варшаву и Западную Польшу, заключит с польским правительством соглашение о перемирии. И тогда перед Сталиным снова возникнет старая угроза — угроза того, что Вторая мировая война затухнет, не разгоревшись. Поэтому 10 сентября советское правительство сообщило в Берлин, что начнет военные действия против Польши, если немцы, со своей стороны, пообещают не заключать с поляками перемирия. 13 сентября Риббентроп заверил Сталина, что «вопрос о необходимости заключения перемирия с Польшей» германским правительством «не ставится».

В сентябре 1939 г. Гитлер надеялся, что фтиль войны будет тихо тлеть до тех пор, пока он сам не будет готов к новым активным наступательным операциям на Западе. Эта надежда Гитлера оправдалась полностью. Франция и Англия ни в военном отношении, ни в политическом, ни в психологическом не были готовы начинать большую войну из-за Польши. Они готовы были декларировать войну, но не вести ее. Сталин надеялся, что обе стороны увязнут в войне на Западе и Советский Союз сможет тем временем решать свои внешнеполитические задачи в рамках подписанного с Германией секретного протокола. Этот расчет тоже оказался правильным. Французское и английское правительства рассчитывали, что после оккупации Польши следующим агрессивным шагом Гитлера будет поход на Восток, а не на Запад. Эта надежда оправдалась, правда, с задержкой в почти два года, 22 июня 1941 г. Таким образом, внешнеполитические расчеты всех великих европейских держав оправдались. Но из этих реализованных выигрышных расчетов политиков сложилась максимально невыгодная для всех участников событий ситуация.

Про принесенную в жертву этой комбинации Польшу говорить не будем. Польша просто перестала существовать. Франция и Англия, максимально оттягивавшие вступление в войну и рассчитывавшие выиграть время, в результате предоставили Германии и Италии фору во времени на подготовку к серьезной военной кампании 1939—1941 годов, которую Гитлер повел против всей демократической Европы. С военной точки зрения, проведенные германской армией операции сентября 1939 — лета 1941 гг. следует назвать блестящими. Континентальная Европа к лету 1941 г. была полностью захвачена Германией и Советским Союзом. Британская империя могла рассчитывать только на свой военно-морской флот и на крутые берега Ла-Манша. Сил для активного сопротивления на суше не было никаких. Во всей этой комбинации Гитлером и Сталиным был допущен один геополитический прокол, ставший одновременно единственной удачей Англии: в ходе военных действий в Европе была создана общая граница между Германской империей и Советским Союзом. Теперь Гитлер столкнулся с проблемой, которую обязан был предвидеть и избежать, потому что она не могла не привести к военному столкновению двух государств, двух режимов, двух диктатур.

В ноябре 1940 г. в Берлин для новой фазы переговоров прибыл Молотов. Переговоры были тяжелыми. Молотов требовал согласия Германии на захват Финляндии (которая отстояла свою независимость в зимней войне 1939—1940 гг.); на оккупацию Советским Союзом Болгарии, на «строительство базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды» и даже, при определенных условиях, на совместную советско-итальянскую войну с Турцией. Кроме этого, советское правительство настаивало, чтобы Япония отказалась от нефтяных и угольных концессий на северном Сахалине.

В ответ Гитлер предложил Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии, заключенному в Берлине 27 сентября 1940 г. Проект соглашения между державами Тройственного пакта и СССР был составлен немцами. Он предусматривал два секретных протокола с длинным перечнем агрессивных намерений СССР и Германии. В частности, Гитлер соглашался с тем, что «основные территориальные интересы» СССР «лежат к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана» и что «Германия, Италия и Советский Союз будут совместно работать над заменой ныне действующей конвенции о проливах, заклю-

ченной в Монтре, новой конвенцией. По этой конвенции Советский Союз получит неограниченное право прохода через проливы в любое время для своего военно-морского флота, тогда как все прочие державы, за исключением черноморских держав, а также Германии и Италии, в принципе, откажутся от права прохода через проливы своих военных судов».

Требования Молотова уступить Финляндию, Болгарию и базу в Босфоре и Дарданеллах были Гитлером проигнорированы. Вечером 25 ноября 1940 г. Молотов пригласил к себе германского посла Шуленбурга и дал ответ на германское предложение. Советское правительство готово было «принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но с серьезными поправками. Германские войска должны были немедленно покинуть «Финляндию, которая по договору 1939 г. входит в советскую зону влияния»; в советскую зону влияния должна была быть включена Болгария. «В течение ближайших месяцев безопасность Советского Союза со стороны проливов» должна была быть гарантирована... строительством базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды». Германия обязывалась также признать, что «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива» является «центром территориальных устремлений Советского Союза», а Япония — отказаться от своих прав на угольные и нефтяные концессии на северном Сахалине. Советское правительство также настаивало на присоединении Турции к пакту четырех держав, причем в случае отказа «Италия и СССР совместно» на основании нового отдельного соглашения должны были применить против Турции «военные и дипломатические санкции».

Гитлер предлагал подписать два секретных протокола. Сталин предложил подписать пять секретных протоколов: третий секретный протокол между Германией и Советским Союзом относительно Финляндии; четвертый секретный протокол между Японией и Советским Союзом об отказе Японии от нефтяных и угольных концессий на северном Сахалине; пятый секретный протокол между Германией, Советским Союзом и Италией с признанием того факта, что Болгария географически расположена внутри зоны безопасности черноморских границ СССР и что заключение советско-болгарского договора о взаимопомощи является политической необходимостью.

Более красноречивого ответа, чем тот, который дал Гитлер на советские требования от 25 ноября 1940 г., он дать не мог: 18 декабря он подписал директиву № 21, план «Барбаросса», о начале войны против Советского Союза. Разумеется, советское правительство о подписании директивы не знало. Но об отклонении Гитлером требований от 25 ноября было, конечно же, известно. Советско-германские отношения зашли в тупик. Немецкие войска находились в Финляндии, Болгарии и Румынии, т.е. в зоне, которую Сталин считал своей. Военное столкновение между СССР и Германией было неизбежно. Но готова ли была Германия к войне с Советским Союзом?

Мы знаем, что к этой войне Германия готова не была (потому что войну Германия проиграла). В 1938—1939 финансовом году Германия тратила на вооружения 15% своего национального дохода — примерно столько же, сколько Англия. Гитлер не хотел вооружаться за счет благосостояния германского народа. Это могло привести к падению его популярности. В Советском Союзе на военные нужды в третьей пятилетке (1938—42 гг.) было выделено 26,4% бюджетных ассигнований, но в действительности из года в год тратилось все больше и больше. В 1940 г. было потрачено 32,6% бюджета, а в 1941 г. было запланировано потратить 43,4%.

С высоты сегодняшнего дня мы привыкли смотреть на 22 июня 1941 г. как на величайшую ошибку Гитлера. Но очевидно, что наступательные операции лета 1941 г. стали высшей точкой его военной карьеры. Война Германии против СССР была тактической, а не стратегической операцией Гитлера. Гитлер не считал Советский Союз серьезным противником. Он планировал разгромить Красную армию за несколько месяцев и с военной точки зрения выполнил задачу. Он не прибег к помощи важного потенциального союзника — Японии. При общем напряжении в советско-японских отношениях все 1930-е годы можно было ожидать, что Гитлер сумеет убедить японцев напасть на СССР с востока. Но этого не произошло, и второй японский фронт против Советского Союза открыт не был.

Разумеется, Гитлер просчитался. Он недооценил Сталина и Советский Союз. Операция по разжиганию войны в Европе руками Гитлера была столь крупномасштабна, что переломить ее наступательного победоносного духа не смогли даже величайшие поражения Красной армии летом и осенью 1941 г. Советские войска все равно вошли в Берлин и утвердили коммунистическую систему правления в Восточной Европе. Только произошло это четырьмя годами позже. И по-

сколько Сталину не нужно было, как Франции и Англии, побеждать «малой кровью», а важна была победа «любой ценой», советские потери во Второй мировой войне даже не стали подсчитывать.

В 2014 году мир снова оказался на пороге Третьей мировой войны из-за стремления России возродить империю. В этой связи следует вспомнить первую фразу речи Вячеслава Молотова, наркома иностранных дел Советского Союза, 22 июня 1941 года, в день нападения Германии на СССР:

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие».

Империи долго строятся, но стремительно распадаются. Ни один из этих городов после 1991 года не принадлежал России. Эти территории победивший в войне Советский Союз потерял, когда распалась созданная Сталиным империя. После всего, сталинская политика в отношении Германии и Европы в 1939—1941 гг. обернулась катастрофой для самого СССР, павшего под тяжестью невыполнимых имперских задач. И это главный урок истории, который следует помнить Путину, втягивающему мир в Третью мировую.

Российский газ как оружие массового уничтожения

Понеся сокрушительные поражения во Второй мировой войне, практически полностью разоренные разрушительными бомбардировками союзников, Германия и Япония в удивительно сжатые сроки восстановили свое экономическое могущество и уже через несколько десятилетий заняли ведущее положение в мировой экономике, без помощи панцирных дивизий и Люфтваффе, без авианосцев и камикадзе. Но для того чтобы осознать очевидное, эти страны должны были пройти через уроки жестоких военных поражений.

Советскому правительству не пришлось дожидаться сокрушительных поражений в большой войне. Оккупация Восточной Европы, поддержание режимов далеких социалистических стран типа Кубы или Вьетнама, война в Афганистане не смогли предотвратить утраты советского влияния в мире и крушения экономической

системы СССР, потому что, как и в случае с Германией и Японией, военная сила не являлась гарантией политического и экономического доминирования и создавала только видимость всемогущества сверхдержавы. В 1991 году КПСС бросила власть с той же легкостью, с которой захватила ее в 1917-м. Советское политическое влияние в Европе, основанное на военном присутствии и военной силе, завершилось для СССР сокрушительным поражением, сравнимым с поражением Германии и Японии во Второй мировой войне.

Казалось, что, подобно Германии и Японии, Россия извлекла из этого поражения свои уроки. После десятилетия нестабильности 1991—2000 годов, Россия предстала миру ведущей экономической державой, чья сила определялась теперь не танковыми дивизиями и не количеством боеголовок, направленных на Западную Европу и США, а нефтью, газом и другими видами сырья, поставляемыми по всему миру. Оказалось, что влиять экономически — эффективнее и дешевле, чем подчинять военному давлению. К 2014 году россияне стали богатыми туристами, ассоциирующимися с деньгами, а не с автоматом Калашникова; не агрессорами и оккупантами, а выгодными клиентами, покупателями, инвесторами, транжирившими заработанные на российских поставках сырья деньги.

Тем не менее, сложившееся положение не было безоблачным. Основная проблема России заключалась в отсутствии демократии как таковой. Ельцинские годы принесли России рыночную экономику и свободу, но не создали действительно демократических институтов, обеспечивающих гражданские свободы общества, независимого и неподкупного суда, защищающих своих граждан силовые ведомства. Не без помощи самого Ельцина, скомпрометировавшего себя и двумя чеченскими войнами, и коррупционными скандалами, к власти в России пришел бывший офицер КГБ. Престарелый Ельцин передал ему управление страной подобно тому, как престарелый Гинденбург вручил канцлерство Германии Гитлеру.

Получив власть, Путин перестал считаться с мнением населения, лишил его права голоса в вопросах, имеющих отношение к управлению страной, к внешней и внутренней политике государства. Уровень оторванности избирателей от кремлевского руководства, подавляющее большинство которого стали составлять бывшие сотрудники КГБ, был теперь абсолютным. Мнение граждан перестало Путина волновать, так как выборы манипулировались, а СМИ были полностью подчинены государству. Парламент, российские суды и

силовые ведомства, в центре и на местах, подчинялись исключительно Кремлю.

При абсолютной безотчетности перед народом воспитанные в стенах КГБ российские руководители вернулись к старым советским принципам военного давления. В 1999 году российская армия вторично вторглась в Чечню. В августе 2008 года российские войска пересекли государственную границу и вторглись в Грузию. Для вторжения был использован прием, очень схожий с приемами Гитлера: защита интересов сограждан, проживающих за пределами империи. Гитлер отстаивал так права немцев в Австрии, Судетах и Данциге. Российское правительство отстаивало права российских граждан в Абхазии и Южной Осетии.

Для России это первое после 1991 года использование российской армии для внешней экспансии прошло безнаказанно. Тем самым был создан опасный прецедент, причем с улучшением экономического состояния России соблазн использования армии против слабого противника у российского правительства возрос, а не исчез. Риск военного вторжения для всех стран, граничащих с Россией, стал абсолютной реальностью.

В отличие от классической военной интервенции, свидетелем которой мир стал в 2008 году, когда российские войска вторглись в Грузию, в Украине российское руководство совмещает военные операции с экономическим давлением. Есть что-то непривычное (и циничное) в том, что оккупация Украины Россией сочетается с одновременным требованием о выплате Украиной России миллиардов долларов за прошлые, настоящие и будущие поставки российского газа в еще не оккупированные части Украины. А собственно, и в оккупированные тоже, потому что российский газ поступал и в Крым, и в Донецкую и Луганскую области.

Понятно, что в принятии этих абсурдных правил игры во многом виновато правительство Украины. Оно до сих пор отказывается осознать (и объяснить населению), что Россия объявила Украине войну, что возмущенные причитания Киева по поводу «вероломных» нападений «террористов» на украинские части — предел наивности, что переговоры о новых условиях поставок газа — отвлекающий маневр российского руководства; что в ближайшее время поставки российского газа в Украину все равно будут прекращены под тем или иным предлогом, и в такой ситуации правильнее ставить вопрос иначе: Украина обязана была предъявить российскому руководству счет за

военные действия против Украины, в частности — за аннексию Крыма. До оплаты Кремлем этого счета и до возвращения Крыма Украине все разговоры о прошлых долгах и будущих платежах Украины российской стороне, в том числе и за поставки газа, следует считать преждевременными.

Известно, что агрессора нельзя умиротворить (классический пример — Мюнхенский сговор 1938 года). Известно, что агрессии нужно сопротивляться, так как нет иного выхода (это доказывает вся мировая история). Известно, что «маленькие победоносные войны» обычно оказываются большими, не всегда победоносными и стоят большого числа человеческих жизней. (Если бы правители и полководцы заранее знали, чем в действительности закончится война, ни одна война не началась бы.) Еще известно, что две последние самые большие войны в истории человечества — 1914-го и 1939-го, далеко не скоро после своего начала получили название «мировых», а уж тем более еще и свой порядковый номер — Первая и Вторая. Когда в марте 1938 года Гитлер оккупировал и аннексировал Австрию, никто не считал, что это и есть преддверие Второй мировой войны. Тем не менее через полтора года, в сентябре 1939-го, война началась, хотя большой войны не хотел никто, кроме Сталина, даже Гитлер.

Если очевидно, что агрессора нельзя умиротворить, тем более неправильно платить агрессору дань за оккупацию. В древние времена в обмен за полученную дань покоренную жертву (село, город, а то и целое государство) оставляли в покое. Сегодня тоже бывают случаи выплаты дани: например, Путин выплачивает дань президенту Чеченской республики Рамзану Кадырову.

В XX веке слово «дань» в отношениях между государствами, как правило, не использовалось. Появились более современные слова: «репарация» и «контрибуция». Но эти суммы платились победителю после окончания военных действий и подписания мира. Во время военных действий дань никогда не выплачивалась, поскольку, кто же в здравом уме будет платить агрессору деньги на продолжение войны до подписания мира? Согласитесь, выглядело бы странно, если бы после сентябрьской 1938 года аннексии Судет чехословацкое правительство в каком-нибудь Брюсселе вело с германским правительством переговоры о выплате Германии долга за купленные ранее рельсы, а Германия бы заявляла, что теперь будет продавать эти рельсы Чехословакии только по предоплате и в два раза дороже. Или если бы Германия, оккупировавшая в 1940 году северную

Францию, потребовала бы от неоккупированной южной Франции оплату долгов французского государства за поставленный Франции в предыдущие годы металл. Все это выглядело бы полным бредом. Такое даже Гитлеру в голову прийти не могло.

Однако то, что выглядело бредом в 1938—40 годы и не пришло в голову Гитлеру, стало реальностью в 2014-м, потому что пришло в голову Путину. Россия, оккупировавшая Крым и часть восточной Украины, продолжающая вести против Украины военные действия, одновременно требовала от Украины выплаты миллиардов долларов за ранее поставленный газ.

Сначала это казалось пропагандистской уловкой российского правительства, пытавшегося свести начавшуюся российско-украинскую войну к экономическому конфликту из-за газа. Но к глубокому изумлению 30 мая 2014 года Украина неожиданно выплатила России 786 млн долларов в счет задолженности. Получив 786 млн долларов, Россия продолжила концентрацию войск на границе с Украиной; перебросила новую технику и дополнительные спецподразделения ГРУ и ФСБ в районы восточной Украины, контролируемые пророссийскими «сепаратистами»; сбита дюжину вертолетов и самолетов украинских вооруженных сил; взяла какое-то количество украинских военных в плен; сбита малазийский гражданский самолет, где (какая жалость!) не оказалось ни одного украинца... Всего лишь за 786 миллионов выплаченной дани сколько «полезного» было сделано! Люди гибли уже сотнями. Война есть война, ничего не поделаешь.

21 июля министр финансов Украины Александр Шлапак заявил, что на проведение антитеррористической операции (АТО) на востоке необходимо полтора миллиарда гривен в месяц, а «в резервном фонде на данный момент осталось около 520 млн» гривен. 24 июля он уточнил, что денег хватает только до 1 августа. 22 июля Верховная Рада Украины утвердила указ президента Петра Порошенко о частичной мобилизации. 25 июля правительство Украины объявило о намерении ввести военный налог в размере 1,5% от зарплаты для финансирования АТО до конца года. Об этом заявил замминистра финансов Украины Владимир Матвийчук: «Таким образом, можно получить около 2,9 млрд гривен для того, чтобы направить их на общий баланс бюджета».

Уточним, что миллиард гривен в те дни по курсу 11,8 гривен за доллар составлял примерно 85 миллионов долларов, а проплаченные

Украиной России 786 млн долларов были больше 9 миллиардов гривен. Иными словами, можно было не вводить «военный налог», который обеспечит лишь двухмесячные потребности украинской операции на востоке страны, и не выплачивать России дань в 786 млн долларов, а пустить эти 9 млрд гривен на борьбу с агрессором на востоке. 9 млрд гривен по цене 1,5 млрд в месяц хватило бы на полгода противостояния агрессии.

Вместо этого Украина заплатила России 786 млн долларов, лишила себя денег на оборону, но что еще хуже — дала российскому бюджету на войну дополнительные 786 млн долларов. Так что дельта в украинско-российских расходах на войну составила 1 млрд 572 млн долларов в пользу России. На какие деньги Россия поставила «сепаратистам» систему «Бук» для сбития малазийского лайнера? На эти 786 млн долларов.

24 июля министр энергетики и угольной промышленности Украины Юрий Продан, прибывший в Брюссель для консультаций с комиссаром ЕС по вопросам энергетики Гюнтером Эттингером, заявил, что Украина готова возобновить переговоры с Россией и Еврокомиссией относительно поставок газа: «Мы готовы в любой момент продолжить эти консультации и переговоры». При этом Россия настаивала на выплате Украиной задолженности за ранее поставленный газ. По мнению руководителя Газпрома Алексея Миллера, сумма эта составляла 5 млрд 296 млн долларов. Легко посчитать, как можно распорядиться этими деньгами, если их не возвращать России. Можно выплатить наследникам по миллиону долларов за каждого погибшего пассажира сбитого малазийского лайнера; за каждого погибшего украинского военного и мирного жителя. Этой суммы хватит на 5000 жертв. Или можно продолжать вести анти-террористическую операцию по цене в полтора миллиарда гривен в месяц. Тогда этих денег хватит на три года борьбы.

Следует отметить, что, взимая дань (платежи) со своей жертвы, Путин ничего нового не придумал. Эта схема была использована Сталиным по крайней мере дважды. Первый раз — в Испании, когда советское правительство вывезло из Испании испанский золотой запас, и так никогда его в Испанию не вернуло, заявив, что золото конфисковано в счет расходов СССР на испанскую гражданскую войну, в частности — в счет поставок вооружений республиканскому правительству Испании. Второй раз Сталин заставил жертву оплатить оккупацию в 1940 году, когда Красная армия вошла в Бессарабию и

Северную Буковину. Дело в том, что после оккупации Бессарабии Румынией в 1918 году советское правительство арестовало хранившийся в России румынский золотой запас, 92 тонны золота, вывезенные Румынией в Россию на хранение в 1916—1917 годы. В 1940 году Бессарабия (с Северной Буковиной в придачу) были заняты Красной армией и присоединены к СССР в рамках общих договоренностей Сталина — Гитлера. Но золотой запас Румынии Сталин вернуть отказался, заявив, что он конфискован как плата за эксплуатацию Бессарабии в период 1918—1940 годов.

Будет ли Третья мировая?

Понимание того, что Россия затевает Третью мировую войну, постепенно ко всем начинает приходить. 7 марта 2014 года Андрей Илларионов в статье «Мюнхенский сговор — 2014» написал: «Третья мировая сегодня ночью стала неизбежной». 25 апреля о том же говорил новый премьер-министр Украины Арсений Яценюк. Немецкий журнал «Шпигель» дал обложку с красочным названием «Война в Европе» (правда, с вопросительным знаком). Хиллари Клинтон и принц Чарльз первыми из всемирно известных лидеров сравнили Путина с Гитлером. После них Путина с Гитлером не сравнивал только ленивый.

Руководители США и Европы, конечно же, о Третьей мировой упоминать не могут (все биржи обвалятся), но и они из опыта 1938—1939 гг. знают, что от победоносных блицкригов агрессора до затяжной войны против агрессора — дистанция короткая, год-два максимум. Здравый смысл подсказывает, что противостоять российской агрессии правильнее уже сейчас, на территории Украины, имея Украину союзником, а не после захвата Украины Россией, когда Россия подомнет под себя и весь военно-промышленный комплекс восточной Украины (ради которого теперь Россия бьется под прикрытием лозунга защиты этнических русских).

Противостоять агрессии России в Украине проще еще и потому, что Украина — не член НАТО, и нет необходимости формально объявлять России войну. Конечно, с военной точки зрения правильнее всего было бы наносить превентивный удар по сосредоточенным вдоль украинской границы российским войскам (войскам противника), но для этого надо быть израильянами, а не украинцами.